

КУЛЬТУРА

ХУДОЖНИК
И ВРЕМЯ

люди искусства

ГЛАВНАЯ
ВСТРЕЧА—
ВПЕРЕДИ

Валерия МАРИЧЕВА

Съемки задерживались. Ждали «исполнительницу» главной роли. Она ехала, не торопясь, с Мангышлака на открытой платформе. Ее хлестали ветры, снега, дожди. Она не обращала внимания на такие пустяки, сосредоточенно смотрела на мелькающие разъезды, телеграфные столбы, перелески. Возможно, она старалась запомнить дорогу, чтобы убежать домой, как убегает на Мангышлак белая верблюдица, белая аруана, «образ» которой ей предстоит создать в фильме режиссера А. Ашрапова и В. Пассурманова. Съемки задерживались, и у народного артиста Казахской ССР Нурмахан Жантурина выдалось непредвиденное свободное время для беседы, для раздумий вслух о жизни, прожитых на экране, и о жизни как таковой.

Как-то в разговоре Жантурин употребил термин физиков — «доказательство существования». Это означает поиск истинных ценностей. Скажем, определенный процент металла в руде. Так вот мы собрали в «круглым столом» всех сыгранных актером героев и предложили им для начала такой вопрос: как ведут они поиск истинных ценностей, что утверждают, против чего протестуют?

Не каждому нашлось что сказать. Молча встал и ушел обаятельный, но безнадежно голубой Бекен Асанов из «Сплава», ретировались неинтересно написанный сценаристом мелкий трус Шалтай из ленты «Однажды ночью», прямолинейный твердолобый персонаж из «Дороги в тысячу верст». И еще несколькими героям их автор, Жантурин, приказал удалиться.

За столом осталась совсем небольшая «компания»: Чокан Валиханов из фильма режиссера М. Бегалина «Его время придет», Танабай, центральный герой ленты С. Урусевского «Бег иноходца», Абакир из «Зноя» Л. Шепитько, Мырзыгали — герой, еще не сыгранный, но уже обдуманый, из будущей картины студии «Казахфильм» по повести С. Санбаева «Белая аруана».

Начнем наш разговор о главной жантуринской теме с двух его противоборствующих героев — Абакира и Танабая. Абакир пришел на экран раньше Танабая, пришел ярко, крупно, принес Жантурину премию за лучшую мужскую роль на кинофестивале республик Средней Азии и Казахстана.

«Зной» — поединок трагиста Абакира и мальчишки Кемеля, в роли которого дебютировал выпускник ВГИКа Болот Шамшиев. Сразу после школы Кемель едет на суровую землю Анархия, чтобы стать покорителем целины. «Абакир, вы обидели Калипу, — сурово говорит он угрюмому великану Абакиру, уже обещавшему ему «набить морду». «...Ты рабочий только потому, что работаешь, — выговаривает Кемель Абакиру, — а душой ты не рабочий. Тебе бы баем быть...»

Но Абакира этим не прошибешь, не перевоспитаешь. Он только пуше звереет от болтовни этого молокососа, щенка, который ничего не умеет, который жизни не нюхал — носом его в эту жизнь, в землю носом. Абакир не прибегает к нравоучениям, он просто бьет Кемеля, точно и расчетливо, в живот, в ребра, в грудь. Мы видим ис-

каженное, обезображенное злобой лицо Абакира — Жантурина. Это злоба не только на мальчишку, а — на весь мир.

В характере Абакира Жантурин воплощает трагедию человека, опустошенного бездуховностью, которому трудно понять, что люди трудятся и живут на земле не только ради денег и славы.

Да, на каком-то этапе была заслуженная трудовая слава (мы и сейчас видим, что Абакир умеет работать). Мы представляем, каким красивым было его мужественное лицо на фотографиях, помещенных в газетах, на досках почета. И после всего этого Анархай, «гиблое» место.

Достойный противник Абакира — Танабай из повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары». У меня сохранилась запись беседы с Жантуриним накануне съемок фильма «Бег иноходца». Вот что говорил тогда Нурмахан.

— Для меня «связь» «Зноя» с «Бегом иноходца» не только в том, что оба сценария сделаны по повестям Ч. Айтматова, я вижу возможность в работе над образом Танабая продолжить и углубить раздумья над судьбой Абакира, названного одним из кинокритиков человеком без вины виноватым.

Танабай и Абакир — люди сильные, незаурядные. Драматические конфликты их жизни порождены, по сути, одними и теми же явлениями определенного времени. На этом сходстве кончается. Они совершенно разные, Абакир и Танабай, по пониманию смысла жизни. Жизнь Танабая я хочу опростовать «безвинную виновность». Человек волен, обязан влиять на обстоятельства.

Танабай — человек крупной судьбы. Он был первым комсомольцем в ауле, борцом за колхозы. Он был солдатом Великой Отечественной войны. Он никогда не заболел от того, чтобы победить себя. И потому попадал в самые сложные жизненные ситуации. Он не наблюдал конфликты, а бросался их решать.

Опорным эпизодом для понимания гражданской позиции Танабая Жантурину виделась стычка его с молодым чабаном Бектаем, красивым и ладным. «Я таких, как ты, не люблю, — говорит он Танабаю. — Это вы расшибались в доску, все — ура, ура! А человеческой жизни и сами не видели, и нам житья не давали». «Расшибались мы в доску, а не ты, — кричит Танабай, — и не жалею. Для вас расшибались. А не расшибались бы, посмотрел я, как бы ты сейчас говорил. Не то, что там кино или газеты, имени своего не знал бы. Одно было бы у тебя имя из трех букв: раб!»

Многие эпизоды фильма «Бег иноходца» снимались в киргизском аиле Шекер. В киносъемках принимали участие чабаны со всей округи, колхозники. Это были удивительные дни, в которых кино и жизнь перемешались, слились в единый поток. Ночью новые друзья — чабаны умыкали Нурмахана из походного вагончика из-под бдительной опеки С. Урусевского. В открытый тундук юрты глядели близкие звезды. Чабаны говорили о своих заботах и радостях. И все это переплеталось с тем, о чем думал Айтматов, его герой Танабай, сам Жантурин. Это была жизнь.

Несколько месяцев Н. Жантурин ходил по горным дорогам Танабая, навстречу его ветрам, под его солнцем. Лицо Нурмахана загорело, задубело, как у настоящего табунщика.

Актер Жантурин нашел

точные краски и для Танабая той поры, когда он полон энергии, батырской лихости, и для старика, с трудом поднимающегося в гору, на которую когда-то взбежал легко и весело. Статный, высокий актер Жантурин вдруг усыхает, сгибается под грузом прожитых лет. Чувствуешь, как невыносимо тяжело нести ему на себе грузный овчинный тулуп. Танабай на экране достоверен в человеческих подробностях, на которые так щедр актерский талант Жантурина.

Еще до того, как «Бег иноходца» пошел на экран, я говорила об этом фильме с Ч. Айтматовым. Он считает, что Жантурин сделал все, что было возможно сделать из того материала, который остался в сценарии от повести. Жантурин же этой работой не удовлетворен: «Я же, по существу, мало что успел в кино. Три-четыре роли, о которых можно говорить всерьез. и все...»

Художник Жантурин страстно хочет творить. Увенчанный пышными эпитетами, он не пренебрегает ролями малыми, эпизодическими: «меня зовут, я иду».

Кинолента «Лесная баллада» — режиссерский дебют Жантурина. Эта картина представляет студию «Казахфильм» на Всесоюзном фестивале в Алма-Ате. Сейчас Н. Жантурин делает режиссерский сценарий к фильму, который пока условно называется «Мангышлак». Он надеется, что герои этой картины смогут сказать свое слово об истинных ценностях, о том, что труд не только способ создания материальных благ, но и процесс, раскрывающий возможности человека, воспитывающий и обогащающий его духовно. Жантурин хочет сыграть роль старого бурового мастера. Когда-то Нурмахан сам был учеником у такого мастера. В годы войны мальчишкой он работал на Гурьевском нефтепромысле.

— Меня постоянно тянет в родные места, в Гурьев, на Мангышлак, как белую верблюдицу, — улыбается Нурмахан.

Съемки фильма по повести С. Санбаева «Белая аруана» начались под Алма-Атой, закончатся на Мангышлаке. Жантурин обдумывает судьбу своего нового героя, бывшего солдата Мырзыгали, искалеченного войной. Как человек, как артист Жантурин понимает его, жалеет и осуждает за душевную замкнутость, за неспособность простить самых близких, за то, что отгораживается от людей, от жизни...

Да, опять суд не такой беспощадный, как над Абакиром, но все-таки суд. А мечтает актер создать образ яркого человека, крупно, бескомпромиссно утверждающего истинные ценности, иден большого дыхания. Образ такого плана, как Дрон Н. Черкасова, Губанов И. Владимиров, Башкирцев К. Лаврова. Вот и Чокан Валиханов из фильма «Его время придет» остался многообещающей заявкой артиста Жантурина на способность и готовность работать в жанре историческом.

О народном артисте Казахской ССР Н. Жантурине уже немало написано. Он стал известным даже по тому сравнительно небольшому, что ему удалось сделать в кино. Но ведь экран до сих пор не показал зрителю всего, что может Жантурин. Тот, кто видел Н. Жантурина на сцене Казахского драматического театра, смело может обещать кинозрителям праздник — главную встречу с этим актером, праздник открытия. Будем верить, что он состоится.

АЛМА-АТА.